

Перяжили мы многа... Бывала, прячымся. А как вот так атступали немцы, ну марос такой был, можэт быть, до сарака градусаф – мы в лясу, вот были в Шупилях мы.

И пришли к нам и гаварят, гаварят: идите сичас... А самалётаф была... неба ня видна, как самалёты были вылетефшы. Пришли, так у нас там была зямлянка выкапан, в этой зямлянке, мы баялися в зямлянке. А бывала так: идём слет у слет, а ззаду на лыжах праедуть, как адин на лыжах праехал, наши сляды замнуть лыжам.

И вот сидим тожэ, так бывала, я не знаю, засмяяцца не давали, а были ш тожэ мы такие, такой-та возраст, знаеш, тока какие-та, как дураки были. Бывала, палец пакажы, и то ахота пасмяяцца, да и баялися, правда. Ну и хоть страшна, страшна, а как эта гаварицца, а вместе и пашутиш.

Так вот так: патом вот к нам пришли, в эту, в зямлянку и гаварить: «Идите, рябяты, шшас так тиха, хоть маленька пагрейтесь, да паядите тёпленькава». Сказали так вот, например, радители наши, сказали, што вот идите. Тока пришли мы, сели, суп начáli йись.

А на горе, там вот в Шупилях, стаял, значыт, чылавец, сматрел, караулил, што маладэш-та пришла в дярвеню, каторая была астафшы. Ой, Госпади! Как бежать сюда к нам, а мы сюда у дяди Сашки жыли, так пат... каторые да где здесь свалилися сразу. Тут за дядиным Сашкиным агародам сразу был такой сасэнец и балота. И вот, значыт, вот у сасэнце, так, гаварить, вот лажымся, кто на чыстам месте, рукам и нагам снек капают, штоп тока спрятацца, штоб издали не была видна.

Госпади, а мы вот с Валькай с Салавьёвай мы бегли в эту акопину, дураки какие-та тожэ были, бегли в эту акопину, никаво там нет... «Дефки!» – кричыт, пришла в этот лес, кричыт: «Дефки! Мальцы!» То шопатам мы гаварим, вдруг ана кричыт, но фсё равно-та была страшна кричать... Госпади... Мы... эта, знаеш, с акопа слышым, што это яё голас, эта мая

сястра кричыт, ну, вот, значыт, мы к ней: «Чево ты, скажы ты» – «Слава Богу! Наши пришли!» – «Ох, лиха, а пачом вы знаете?» Валька спрашываить: «А пачом вы знаете, што наши?» – «Ани дакументы показывали и с нашим вот с мамкам цылавались фсе... Эта наши пришли, наши пришли...» Мы там лесам ишли, да вот так па снегу, а снег жэ, вот такой, пришли да вот на печку я дома завалилась, ня то, што глядеть наших...

Войска так и шло, так и шли... И на сабаках такие вязли, лодачки такие маленькие везли, как, наверна, раненых с поля раненых вывозють... Ой, Госпади. А далёк ли был фронт, в этом, в Миляхове, можэт быть, километраф десять, нет, большэ, наверно, километров будет питнацать. Фсё-таки да Мониная десять. Да с Мониная там... да так будет. Ну вот, далёк ли тот фронт?.. Ох, лиха маё! А рады были, што наши...

Ой, а патом вот нас вясной выселили... в Гаражани, што думали...

Ани ш были тут укрядифшы, у них жэ тут была в несколько рядак и провалака, и люди фсе наши акопы сколька время капали... Ани ш были так здесь, вапшшэ я думаю, здесь маладэш, либо ездила сюда. Здесь сколька народу падарвалася... И шшас, наверна, там есь эти, наверна, да, здесь вапшшэ дажэ были минёры... Разминировали эта фсё поле... Ох, лиха маё... А их [немцев] акружыли, и бою никакова не была, а нас фсё равно эвакуировали атсюда... Вот такие дела.

Нескланна, памилуй Бог, войны... Шшас сыты, как гаварицца, а эта бегли в лес, аставалися. Залезуть мальцы на дерева, на ёлку, на макушку, и гаварят: «Тоя дярвеня гарить, тоя гарить...» Фсе дярвеня жгли... И правда, приехали дамой, адин пепел, ничэво, ни баинки, ничаво...

У нас вот здесь вот в Антушове, кола Никиты, видели старый дом? Или пайдёте, внимание абратите, вот здесь сразу так налева, старый дом и патом вот этак был атстафшы, и вот там, в Антушове. Так в нас сколька была сямей, в эта вот, у

тётки Ньюшки, у этай, как с выселки приехали, так вот бывала так на палу, на палу мы лягем, не то, што, што на спину, хоть бы на бачок... да фсем леч на полу... Кто на печке, кто на лянухе, как эта гаварицца, кто пад лянухай...

(А «лянуха» – это что?)

А значыт, лянуха, например, вот печка сложэна, там такой отступ зделана, што эта лянушка, а здесь вот так зделают деревянную, стоечки зделают и дасок настелют, и тут, а там были эта... апечки, ну как раньшэ печки не на бутах клались, а на апечках, на дерявянных, где пат печку лазить, там яшшо, можна челавеку леч, а то два. Двухытажная, как была кровать...

Бывала, ребята ж были, Госпади... Эта тётя Ньюша, царства ей небеснае, а мы как засмяёмся, мама придёт наша, ана не кричала, такая была спакойная, ана так шшып: «Малчыте!» Мы замолчым. А фсё равно как это, как у маладэжы, была фсё равно, што-та такое была и пасмеяцца хатели. А ана фсё баялась, што людям, будем жэ мешать... Ой, а бывала тётя Ньюша на нас: «Малчыте!» Как жэ у ей была такая пагаворка, сказала; ой, забыла я, как-та у няё получалася, што на нас сказала: «Беси, малчыте!» А мы хахочэм...

Ей тожэ был сын Толька, тожэ снарядам убил яво, запалам... Пашли оны там где-та на передавой, нашли запал. И вот ужэ время тут ужэ как, ани вот рыбу глушыли, а патом он, этат запал, у няво где-та был спрятан. Ну мать вот ушла или ужэ дествительна он сябе, как суждяно была яму пагибнуть ат этава... Малец такой был харашый... Ну и вот этат Колька, вот на этай печыне жыл, ани, значыт... А мать ушла, а раньшэ ш эта на плугах, сами жэ плук вазили, а ани пошли куда-та за плугай, принясти, да вот нада была што-та сажать, я думаю, не картошку ль сажали. А он давай этат разбирать, запал этат. И вот как, он када взарвался, вот этава Кольку ничаво, а ево папала пряма ф серцэ. (Чё там май малышы так заплакали). Толька на улицу выскачыл и сразу с крыльца упал, такой

высачэнный, красивый малец был. И вбила... И в яе ядинсвенный сын был! Ой, сколько была... И вот как рас эта в мае была, а мы, значыт, в эта время в Яхнішшэва жыли, мы пастроили ужэ там избушку маленькую, жыли там, а здесь драва рубили мы. А он гаварит: «Захадите, на гулянку пайдём!» А там как раз эта такой Царю-граду был празник, дваццать чатвёртава мая эта празник называецца Царю-граду...

И там гадавая гулянка была... А раньшэ ж так сабыралися, на гулянках, где гадавая гулянка, – са фсево виру¹, как эта сказать, фсе чыста, фсе туда идут. Вот мы зашли за ним, он гаварит: «Вы идите фпярёт, а мы приедем на веласыпетах». У нево был веласыпет. У матери куплен. Тагда жэ веласыпет – эта ш была большое, это бауатый, у каво веласыпет. «Мы приедем на веласыпедах», – мальцы там, у каво были веласипеды. Вот мы пашли, мы толька дашли да Пасно́ва, ужэ каторые приехал там, Витька такой Лупин, приехал и гаварит: «Тольку убила!» – «Как убила?» – «А запалам!» Ужэ нам была как-та не да гулянки. Мы жыли ш тут шшытай, пакамысь эта пастроили, и шшытай как сваи, эта были. Мы и гулять сразу ня стали, мы сразу дамой пашли, дажэ не верилась, а пришли – правда, ляжыт. А так бы вот, можэт быть, дествительна, пашол бы с нам вместе или паехал бы, и аташол бы ат этава. Или ужэ судьба яво тянула, абязательна нада была. И эта ужэ сколько времени, а яму нада была этат запал бяреч, а веть рядом Колька сидел, и Кольке ничаво.

¹ *Со всего віру (со всѣх виро́в)* – отовсюду.